Пространство перевода

ФЕРНАНДО ПЕССОА

ЭЛЕГИЯ ТЕНИ

Перевод
ГЕННАДИЯ ЗЕЛЬДОВИЧА

Элегия тени

Фернандо Пессоа

Аннотация
Фернандо Пессоа. Элегия тени
Абсурдный час
Из цикла «Крестный путь»
1. «Я забываю промысел бродяжий…»
4. «Позволь, арфистка, целовать позволь…»
5. «Своих часов бессонный шелкопряд…»
6. «Сюда я прихожу издалека…»
13. «Посланник неизвестного владыки…»
14. «Как если б вдруг фонтаны замолчали…»
«Прекрасен день, который сам…»
«Болезненный звон колокольный…»
«Очертившись четко…»
«Ветер чуть качает…»
«Ярится ветер в чаще…»
«Под сенью горы Абиегно…»
«Туча легкая над рощей…»
«Чего бы сердце ни хотело…»
«Где-то там, где блещут воды…»
«У таинственной двери…»
«Глухая ночь, простри ко мне персты…»
Рождество

Нововерец
Эрот и Психея
Усыпальница Кристиана Розенкрейца
I. «Когда от жизни пробудит природа…»
II. «Однако прежде прозвучало Слово…»
III. «Однако здесь, бредя осиротело…»
«Неслышимый ветер по травам…»
«И снова дождь туманит стекла…»
«На улице – бессвязный гул…»
«Этот нищий старый…
«Внезапно, среди наслажденья…»
«Клубятся тучи в вышине…»
«Дождит. Я сделал с жизнью то же…»
«Всегда проснусь еще перед рассветом…»
«По небесам разлита дрема…»
«И снова хлестало всю ночь напролет…»
«Словно тучи в поднебесье…»
«Наедине, наедине…»
«Послышалась, гаснущий день провожая…»
«Вон там, за перелеском…»
«По дороге, что, словно бы белая риска…»
«Послышится тявканье песье…»
«Не буду больше сонмом упований…»
«Проплыли тучи: снова я один…»
«Я отрекусь. На горном гребне…»
«Луна бледнеет и тусклеет…»

«Тебя завижу – и отыду…»
«Уже предвестие рассвета…»
«В ночи рождаются зачатки…»
«И в чувстве боль, и в помысле – разруха…»
«Сколько муки и разлада…»
Наставления
Антисимвол
«Музыка. Нищая нота…»
«Мне тоскливо и тоскливо…»
«Еще горит закат дневной…»
«То музыка простая…»
«На небе все сущие зимы…»
«В переулке уже замолчали…»
«Я болен жизнью. И из глуби горя…»
«Я так хочу расслушать немоту…»
«Доносится ли ветер…»
«Я назову тоской, быть может…»
«Ты даришь, память-чудотворка…»
«Меж луной и темным бором…»
«Кто глухи и незрячи…»
«Утешься, сердце! Бейся без надрыва!»
L'Homme
«И коль дано искусством или чудом…»
«Сползут ли туманы со склона…»
«Уже так мало боли…»
«Слеза не ослепляет глаза…»

«О сон! в тебе едином нет обмана…»
«Твой голос, достойный оплакивать бога…»
«Во мне безмыслие такое…»
«Сердце опоздало. Может статься, к сроку…»
«Тревогой невнятной и краткой…»
«Небесной полная лазури…»
«Самоослепленно / В зыбкую волну…»
«Как юности памятник зыбкий…»
«В часы, когда бессонница сама…»
«Душа кровит. Пленили, будто яма…»
Новый самообман
«Вращаются лохмотья тени…»
«Где розы есть, мне роз не надо…»
«Почти у окоема…»
Марина
«Как в чаше, не нужной к застолью…»
«Куда-то к призрачным пустотам…»
«Теперь тоска моя умножит…»
«Дождливых сумерек прохлада…»
«Я мир пишу, как пишут акварели…»
«Мой сон ушел. Болезненная скука…»
«Лучи скользнули по темнотам…»
«Порою в небе, где гроза…»
«Иду с предчувствием запинки…»
«Мне с каждым утром все тревожней…»
Отдушина

«В распахнутой безвольной сини…»
«Я предавался сумеречной дреме…»
«В мои безрадостные дни…»
«Я сам – глубокая пучина…»
«Когда же перестану…»
«Я никому не дам отчета…»
«Ветряного перегуда…»
«Продлись, мой сон! Я знаю, что рассвет…»
«К отъезду – скверная примета!»
«Я не хочу ни истины, ни слова…»
Подражание
«И не трудясь, и не ища занятий…»
Взыскуя красоты
I. «Твои стихи, блаженство напоказ…»
II. «Недостижима и не понята…»
III. «Безумье или глупость: только так…»
IV. «Глубокий вздох, умчи меня в края…»
V. «И ум, и веру отодвинув прочь…»
VI. «О сон, о морок! Видно, оттого-то…»
«Я знаю, что есть острова в океане…»
«То голуба, то словно червлена…»
Из книги «Возвестие»
Щиты
Дон Динис
Дон Жуан Первый
Дон Дуарте

Дон Фернандо, инфант португальский
Дон Себастьян
Горизонт
Надпись на камне
Страшная птица
Запад
Последняя каравелла
Молитва
Пятая империя
Сокровенный
Третье
Штиль
Ненастье
Элегия тени
От переводчика

Аннотация

В этой книге читатель найдет как знаменитые, так и менее известные стихи великого португальского поэта Фернандо Пессоа (1888–1935) в переводах Геннадия Зельдовича, которые делались на протяжение четверти века. Особая, как бы предшествующая тексту проработанность и беспримесность чувства делает эти стихи завораживающими и ставит Ф. Пессоа особняком даже среди самых замечательных поэтов XX века.

Фернандо Пессоа
Элегия тени

© Г. Зельдович, перевод, 2015
© Издательство «Водолей», оформление, 2015

Абсурдный час

Вся твоя немота – паруса в атлантической пене,

И улыбка твоя – это море, которое немо,

А немая улыбка – те лестницы долгой ступени,

На которых твержу, что стою у подножья Эдема.

Мое сердце – осколки когда-то разбитой амфоры,

И молчанье твое соберет черепки воедино;

И твой образ во мне – моего же штукарства узоры,

И твой образ – как труп, что на берег метнула пучина…

Распахни же врата – и пускай, дряхлецам на разживу,

Улетучится чад, разлетятся салонные вздохи…

А душа моя – грот, что отверзнут навстречу приливу,

И в мой сон о тебе – вереницей бредут скоморохи.

Это плачет не дождь… Это сам я содеялся Часом…

Тем, что носит обломки в своей дребезгливой котомке…

И в мечтанье моем чья-то вдовушка бегает плясом…

И на небе моем – вековечно чернеют потемки…

Тяжелы небеса, будто путь, не сулящий возврата.

Только мелкая морось найдется у этого Часа…

Я в себя погружен, и душа моя этим разъята,

И улыбка твоя – никакая ему не украса.

Те часы, что живу, непроглядной изложены яшмой,

И тоска моя – мрамор в немыслимом прежде разрубе.

И ни горек, ни весел унылый веселый кураж мой,

И ни злы, ни добры доброты моей темные глуби.

Мои ликторы робки и к службе имперской не рьяны,

Водрузил я знамена не там, где священные грады,

Фолианты лежат между тюков моей баррикады,

На поржавленных рельсах плетутся глухие бурьяны.

О, как стар этот Час! Перегнившие шепчутся лини

Про ушедший фрегат, про сверканье полуденной дали,

Про иные часы, коих нынешний Час благочинней,

Про иные часы, что тревогой мечту напитали.

Здесь руины дворца. Здесь чернеет застойною жижей

Омертвелый фонтан... И почти что

несносно для глаза

Это зрелище-осень, с его наготою бесстыжей…

Все вокруг манускрипт, где оборвана лучшая фраза.

Пара проблесков дряблых мелькает на немощных жабрах,

Отравляет озера записок изорванных ворох…

И душа моя – свет, что давно перетлел в канделябрах,

И мои устремленья – коряжины в хворых озерах…

Отчего я так болен? В луною наполненном парке

Хороводятся нимфы, уставшие от пустодневий…

И молчанье твое – колыбельная тонущей барке,

И Лжефебова лира мне слышится в этом напеве…

Где на солнце сияли глазастые перья павлиньи,

Даже тропки смутны. Лишь порою на темном песке их

Померещится след, словно бонна прошла в кринолине,

Да почудится шаг в никуда не ведущих аллеях.

Все на свете закаты в душе моей золотом стыли…

Все на свете луга моим стопам бывали простерты…

И во взгляде твоем – все тобой предвещенные штили…

И во мне оттого – кораблям недостижные порты…

Дружно падали весла… Но шепчет зеленая нива,

Что я морем не стал, что ненужные выкопал клады.

Я властительный царь, только в царстве глухого надрыва…

И я теплюсь внутри – лишь теплом отгоревшей лампады.

Столько жара в тебе – у принцесс опа-

ляется локон…

А твоя немота – воздымается горной вершиной…

Лишь единый подсолнух глядится из замковых окон,

И печально помыслить, что он далеко не единый…

Перезвон колокольный к иному уносится Долу…

Мы и здесь, и не здесь, будто львы, урожденные в клетке…

Мы остались детьми, только жгут нашу старую школу…

Сгинул Север и Юг – и нам не за что ставить отметки…

Я гляжу на тебя, от горячки очнуться не смея…

Ты моя слепота. Ты для ока пустая морока.

В созерцанье моем перевились пунцовые змеи…

И твой образ во мне – что глоток цепенящего сока…

Мне тебя презирать? Посчитать ли презренье игрою?

Словно веер в жару, мне твой голос молчащий отраден —

Только веер закрытый – а если прельщусь и открою,

Расколю этот Час, где во чреве полно червоядин.

Перевяло цветов – сколько было и больше, чем было…

И хребтов перегиб – не согбен, а согбенья согбенней…

Я собор немоты созидал из любовного пыла,

Там любая ступень – только первая между ступеней…

Виснет в воздухе смех… И крадется вблизи соглядатай…

Девы саваны ткут, чтобы вдовые ткачки уснули…

О, твоя немота – немота оживающих статуй,

Аромат хризантемы, предузнанный в

знойном июле.

Надо все поменять – чтоб мосты разобрались на бревна,

Испрошились холмы и землею засыпались реки;

Надо выровнять все, что на этом пейзаже неровно,

Надо просто завыть – будто злая пила в лесосеке.

А сказать напрямик, нам несбыточных надо пейзажей…

Каждый день все одно… Осмелей и завесу раздерни…

Я внимаю тебе – моя внимчивость лепится сажей

На твою немоту, что сюда низлетает из горней.

Так же сладостен вечер, как сладостно жить не сиротке…

Вся небесная ширь вполовину улыбки светлится…

Я мечты о тебе тереблю, как монахиня четки…

Я тебя узнаю – и ты чахнешь, как роза в петлице.

Нам обняться с тобой, нам бы сделаться фрескою дальней!

Двоекрасочным стягом взноситься все выше и выше!

Безголовая статуя, полная праха крещальня.

И знамена поверженных с надписью – «Сим победиши!»

Что-то мучит меня – даже рядом с твоей благостыней…

Отчего-то во мне – только одурь и ужас беспутий…

Я себя не пойму… Я с душою своею в размине…

Я заочно любим – по ту сторону собственной сути…

Из цикла «Крестный путь»

1. «Я забываю промысел бродяжий…»

Я забываю промысел бродяжий,
И к речке мгла осенняя примята,
И сердцу стала гостией утрата…
И в нем – дороги, не узнать, куда же…

Со мной стряслись могильные пейзажи…
Лицо твое, как небо, серовато;
Последние свечения заката
Еще о чем-то шепчутся на кряже…

И мне на плечи, к истине слепое
И судорогу расщемив гадливо,
Мое былое, полное прибоя,

Взвалилось под морозным небосводом.
Шагает осень похоронным ходом
Вдоль по дороге моего надрыва.

4. «Позволь, арфистка, целовать позволь...»

Позволь, арфистка, целовать позволь —
Но не ладонь, а взмах твоей ладони:
Чтоб этот Жест во глубине бессоний
Стал только Жестом, обернулся столь

Бесплотным и уже избывшим боль,
Сколь стали на старинном медальоне
Коленопреклоненные в короне,
Которых вящий покорил король.

Ты сделалась прибытком и разором,
Луною, что крадется по озерам,
Когда вокруг чернеется камыш...

Ты отзвук в сталактитовой пещере;
И если обретением даришь,
То только обретением потери.

5. «Своих часов бессонный шелкопряд...»

Своих часов бессонный шелкопряд,
Ты ускользаешь наподобье тени,
Отсрочивая для своих молений
Уже давно предвещанный обряд.

И эти губы в океанской пене
Укором нерасслышанным корят;
И чем длиннее череда утрат,
Тем вечер и крылатей, и забвенней.

Все перволунья хочется исплавать —
И только жижа булькает в углу;
Стоячая засасывает заводь...

Я буду царь, но буду не теперь я...
И я машу в саргасовую мглу
За океаном моего безверья.

6. «Сюда я прихожу издалека…»

Сюда я прихожу издалека,
И я дышу туманом и раздором,
Неся свой образ пасмурный, в котором
Есть образ неземного двойника.

Я был когда-то, в прошлые века,
Не Боабдилем, но прощальным взором[1],
Скользящим по гранадским косогорам,
Где залегла навечная тоска.

Я павшая гранадская держава,
Сиротствую у мира на виду…
Дорога есть, а цели не найду.

Я сам своя смертельная отрава,
Вчерашняя ненадобная слава,
Подсолнечник в бессолнечном саду.

---

[1] Примечания: 1

Боабдиль — последний мавританский калиф в Испании (1482–1492), бежал из Гранады, впоследствии убит в Африке.

13. «Посланник неизвестного владыки…»

Посланник неизвестного владыки,
Я сам не знаю, что я говорю.
Мои слова, угодные царю,
Мне кажутся бессмысленны и дики.

Распался я на образ двоеликий,
Две части меж собой не замирю:
То робко приближаюсь к алтарю,
То изрыгаю варварские зыки.

А есть ли Царь, не ведаю поныне.
Забыть о нем – назначено уроком…
Дано мне целью – странствовать в пустыне.

Но прежде, чем создалось естество,
В безмерье и в довременье далеком,
Я был вблизи от Бога моего…

14. «Как если б вдруг фонтаны замолчали…»

Как если б вдруг фонтаны замолчали
(Напрасен взор, утопленный во взоре), —
Так, сновиденью моему не вторя,
Тот голос, что родился из печали,

Теперь умолк… Уже не в карнавале,
Без музыки, без крыльев средь лазори,
Таинственность, молчащая, как море,
Приходит в обезветренные дали…

Пейзаж вдали – он только лишь на то нам,
Чтоб стало тихо, если мы нисходим
В таинственность, при часе благосклонном…

И где-то есть безмолвная природа,
И где-то мир с движеньем и бесплодьем…
И где-то Бог – Замковым Камнем сво-

da...

«Прекрасен день, который сам…»

Прекрасен день, который сам
Себе же мерой,
Глаза подъемля к небесам
С наивной верой.

Но будет неба синева
Не благостыней,
Пока в глубины естества
Не примешь сини —

И цвет, которым зелены
Холмов уборы,
До самой сердца глубины
Не вникнет в поры.

О ты, несведущий двойник,
Уйди, не мешкай! —
Но не отступит ни на миг,
Глядит с насмешкой,

Что и земля и небеса
Всего родимей

Тому, кто душу отдал за
Слиянье с ними.

«Болезненный звон колокольный…»

Болезненный звон колокольный,
Ты через деревню летишь
И каждым накатом сгущаешь
Души предвечернюю тишь.

И словно бы взятый у жизни,
Столь горестен твой разговор,
Что в первом тягучем ударе
Уже раздается повтор.

И сколько ни рей надо мною,
Когда прохожу стороной,
Ты грезой моей остаешься —
И, значит, всегда не со мной.

И если дрожащим ударам
Завторит вечерняя даль,
Куда-то отпрянет – былое,
Зачем-то нагрянет – печаль.

«Очертившись четко...»

Очертившись четко
Где-то, в лунном свете,
Парусная лодка
Родственна примете.

И хоть нет разгадки,
Но дышу иначе.
Сон, доныне краткий,
Делается кратче.

Что – непостижимо?
Что – еще жесточе?
Парус мчится мимо
В недвижимой ночи.

«Ветер чуть качает…»

Ветер чуть качает
Стебли камыша.
Дрожью отвечает
И моя душа.

Сердце сиротливо
Плачет не о том,
Что слышны порывы
Ветра над прудом.

Это – легче вздоха,
Чище ветерка:
Если сердцу плохо —
Где моя тоска?

Если ветер тронет
Блики на воде,
Знаю: сердце стонет,
Но не знаю – где.

«Ярится ветер в чаще...»

Ярится ветер в чаще,
У чащи взаперти;
Для мысли настоящей
Исхода не найти.

Есть в разуме тоскливом
Такая глушь и дичь,
Где мечется с надрывом
Желание – постичь.

Как ветер бьется в ветки,
Из чащи рвется вон —
В такой незримой клетке
И сам я заточен.

«Под сенью горы Абиегно…»

Под сенью горы Абиегно
Замедлю, дорогу прерву.
Я видел – пленительный замок
С вершины глядит в синеву.
Но медлю и сплю наяву
Под сенью горы Абиегно.

Любимое и прожитое
Куда-то назад подались,
И сколько их было, не помню,
Увидя волшебную высь.
Под сенью горы Абиегно
Я медлю, от них отрекшись.

Быть может, моим отреченьем
Когда-нибудь стану сильней,
Дорогу, ведущую в Замок,
Найду между серых камней.
Под сенью горы Абиегно
Я медлю, сроднившийся с ней.

Покой убегает при мысли,
Что Замок вдали вознесен,
Дорога же – та, по которой
Никто не ступал испокон.
Под сенью горы Абиегно
Туда устремляется сон.

Ведь разум дороги не знает —
И, значит, вверяется сну.
Дерзанья мои забываю,
Когда на вершину взгляну.
Под сенью горы Абиегно —
До века ли буду в плену?

«Туча легкая над рощей…»

Туча легкая над рощей…
Прилети и пролети…
Я тоскую много проще:
Не в душе, а во плоти.

Та возвышенная смута,
Что пришла в забытом сне,
Ныне отдана кому-то,
Безразличному ко мне.

Если ж заросли в сырую
Погружаются во тьму,
Я пугаюсь и горюю
По сиротству моему.

«Чего бы сердце ни хотело…»

Чего бы сердце ни хотело —
Ничто исполнить не могу.
Всегда желая без предела,
Всегда замру на полшагу.

Итог беспомощных стараний —
О сколь заранее постыл!
Душа – сверканье в океане,
А я – саргассовый настил, —

Но там сквозится из разводий
Вода неведомых морей,
Не существующих в природе —
И явных сердцу тем скорей.

«Где-то там, где блещут воды...»

Где-то там, где блещут воды,
Где течет речная гладь,
Где природа без природы,
Несмутимо провожать
Буду дни свои и годы.

Что же делает река,
Если просто – просто длится?
Наплывут издалека
Чьи-то медленные лица,
Словно прошлые века.

И скользя по речке взглядом,
Сохраню свою печаль
И дышу своим разладом —
Ибо влага мчится вдаль,
Все равно оставшись рядом.

Я и движусь, и стою,
Если вглядываюсь в реку,
В эту чистую струю —

Ибо отдал ей довеку
Всю разорванность мою.

«У таинственной двери...»

У таинственной двери
Моего бытия
Бродят птицы и звери —
И взираются, веря,
Будто я – это я.

Полны сонных бездоний,
Ни к чему не спеша;
Только я посторонний,
И всех бед неотклонней
Катастрофа – душа.

Рассевается дрема —
И я счастлив почти;
А смотреть из проема
Хуже всякого слома
И страстного пути.

«Глухая ночь, простри ко мне персты…»

Глухая ночь, простри ко мне персты,
Усынови… Я был во время оно… —
Я есмь король, отрекшийся от трона
Моей тревоги и моей мечты.

Мой меч, тяжелый свыше моготы,
Которым овладел я беззаконно,
И непосильный скипетр и корона —
В чужую длань да будут приняты.

Теперь и бесполезную кольчугу,
И шпоры, что звенели от испугу,
Я бросил пред палатой короля.

С душой и телом я покончил счеты —
И возвращаюсь в древние темноты,
Как вечером усталая земля.

Рождество

Родится бог. Былые гибнут боги.
Но правда не пришла и не ушла.
Сменился Миф, и вечность на пороге
Не меньше прежней вечности светла.

Бессильный ум возделывает поле,
Мятутся мифы в мертвенной ночи.
Господь есть Слово, и ни граном боле.
Не знай, не верь: утеряны ключи.

Нововерец

Не смыкай покорно вежды —
Ибо нет на свете снов.
Ты лишь тень твоей одежды,
Ты всегда пребудешь нов.

То ли смерть укрыта в ночи —
То ли гибнет самый мрак!
Кто дошел до средоточий,
Не сбавляй трусливо шаг.

Встретишь ангельские лики —
Отберут уютный плащ,
И пойдешь бедней калики,
И невидим, и незрящ.

А у дальних раздорожий
Благодетель-серафим
Обдерет что было кожи,
Чтобы стал – собой самим.

А потом в глубоком гроте
Ты увидишь Божий храм —

И разденешься от плоти,
Уподобившись богам.

Ныне тень твоей одежды
Не тебе закроет свет,
И не ты смыкаешь вежды —
Ибо смерти больше нет.

Эрот и Психея

...Итак, видишь ты, Брат мой, что истины, которые даны были вам на ступени Новообращенного, и истины, данные на ступени младшего Адепта, суть, хоть они и противоположны, одна и та же истина.

Из Ритуала Ступени Магистра Двора

в Ордене Португальских Тамплиеров

В песне древнего распева
Повествуется рассказ,
Как спала Принцесса-Дева,
В утоленье злого гнева
Разомкнуть не могши глаз.

Есть в легенде Принц, который,
Зло и благо одолев,
Отправлялся в путь нескорый,
Через реки, через горы,
На котором будят дев.

Словно смерти верный сколок,
От надежды отобща,
Сон Принцессы долог, долог —
И оплел ее начелок
Из зеленого плюща.

Принц спешит из-под навеса
Очарованных теней,
И о Юноше средь леса
Не проведает Принцесса,
Он не ведает о ней.

Но Судьбу исполнит каждый:
Деве писано уснуть,
Рыцарю – томиться жаждой,
Без которой бы однажды
Не вершился этот путь.

Видя морока заслоны,
Принц шагает напрямик;
Заблужденьем вдохновленный,
Перешел через препоны
И дворца ее достиг;

И когда пора настала,

То, дивуясь чудесам,
Он отдернет покрывало
И поймет, что сызначала
Спящей Девой был он сам.

Усыпальница Кристиана Розенкрейца [2]

Еще не видев тело нашего мудрого Отца, мы отошли в сторону от алтаря и там смогли поднять тяжелую плиту желтого металла, за ней же покоилось лучезарное тело, целое и не тронутое тлением... в руке была маленькая пергаментная книга, писанная золотом и озаглавленная «T.», которая, после Библии, составляет главное наше сокровище и не предается в руки непосвященных.

Fama Fraternitatis Roseae Crucis

---

[2] Примечания: 2

Кристиан Розенкрейц — легендарный основатель секты розенкрейцеров. Завещал вскрыть свою могилу долго спустя после смерти.

Основу учения розенкрейцеров составляло некое тайное знание; в частности, им приписывали способность всеведения, изобретение особого, выражающего суть вещей языка. Один из символов доктрины — черные розы на фоне андреевского креста.

I. «Когда от жизни пробудит приро-да…»

Когда от жизни пробудит природа,
Себя поймем и вызнаем секрет
Паденья в Тело, этого ухода
Из духа в Ночь, из просветленья в бред, —

О сне земли, о свете небосвода
Прозрим ли Правду после стольких лет?
Увы! душе без проку и свобода,
И даже в Боге этой Правды нет.

И даже Бог явился Божьим сыном:
Святой Адам, он тоже грехопал.
Творитель наш и потому сродни нам,

Он создан был, а Правда отлетела.
Безмолвен Дух, как мировой Провал.
И чужд ей мир, который – Божье Тело.

II. «Однако прежде прозвучало Слово…»

Однако прежде прозвучало Слово,
Утраченное в тот же самый миг,
Когда из Тьмы Предвечный Луч возник,
Угаснувший средь хаоса ночного.

Но сознавая свой превратный лик,
Сама из Тьмы, Душа в себе готова
Узнать сиянье радостного зова,
Распятых Роз таинственный язык.

Хранители небесного порога,
Отправимся искать за гранью Бога
Секрет Магистра: сбросив забытье,

К самим себе очнувшиеся в Слове,
Очищены в неостудимой крови, —
Отсюда к Богу, льющему ее.

III. «Однако здесь, бредя осиротело…»

Однако здесь, бредя осиротело,
Себя сновидим, явь не обретем,
И если сердце Правду разглядело,
То Правда обращается в фантом.

Пустые тени, алчущие тела,
Его найдя, узнаем ли о том,
Пустоты стискивая то и дело
В объятье нашем призрачно-пустом?

Ужель Душа не отомкнет засовы,
Не станет знать, что дверь не заперта,
А только – выйти и пойти на зовы?

Немому и усопшему для плоти,
Но с Книгою в закрытом переплете,
Отцу Магистру явлены врата.

«Неслышимый ветер по травам…»

Неслышимый ветер по травам
Провел осторожной рукой…
Кивок долгожданный и краткий…
И в нем – подтвержденье догадки,
Я сам забываю какой.

…И шум в холодеющих травах
Покуда еще не затих —
Но словно меня обманули
И кануло в ветреном гуле
Решенье вопросов моих.

…Уже в успокоенных травах
Застыла последняя дрожь.
И сам не пойму, отчего же
Я сердце вверял этой дрожи,
Которой ничем не вернешь.

Но нет: задремавшие травы
Не те, что минуту назад,

И ветра былые порывы
В разбуженной памяти живы,
Как тысячи живы утрат.

«И снова дождь туманит стекла…»

И снова дождь туманит стекла
На этой улице пустой…
Сама душа моя размокла
И вся пропитана водой.

Мне в сердце хлещут воды ливней,
Но я печали не кляну:
Еще грустнее и противней,
Когда себя же обману, —

Поскольку я и сам гадаю,
Когда я хмур, когда я рад…
И, тихо сердце покидая
(Строку Верлена подтверждая),
Мне капли что-то говорят.

«На улице – бессвязный гул…»

На улице – бессвязный гул,
А я – ненадобный прохожий.
И всяк предмет в себя вольнул,
И всякий звук оделся кожей.

Я существую, словно пляж,
Куда на миг взбегает море.
А истина одна и та ж:
Что будет смерть, и будет вскоре.

И будет гул, когда умру.
Не клянчит самой малой крохи
Мой ум, затерянный в миру,
Что твой цветок в чертополохе.

«Этот нищий старый...

Этот нищий старый
Под моим окном
Со своей гитарой
Плачут об одном —

Что обоим выпал
Им удел такой
Мыкаться по миру
Со своей тоской.

Я и сам бездомный,
Я и сам незрячий.
Только сцена шире —
И бесплатно плачу.

«Внезапно, среди наслажденья...»

Внезапно, среди наслажденья,
Когда закружит бытие,
Я чувствую, как отчужденье
Своею невидимой тенью
Окутает сердце мое.

И думаю: в этой ли дреме
Очнусь от моей маеты?
И вижу в оконном проеме
Косого пейзажа бездомье —
И ласковый образ мечты.

«Клубятся тучи в вышине…»

Клубятся тучи в вышине
И небо облегли;
Последний синий лоскуток
Печалится вдали.

И точно так же разуму,
В безверье и глуши,
Какой-то лучик подтвердит
Присутствие души —

Кайма, которой суждено
В небесной вышине
Продлиться по другую грань
Отпущенного мне.

«Дождит. Я сделал с жизнью то же…»

Дождит. Я сделал с жизнью то же,
Что жизнь содеяла со мной…
Среди раздумий, бездорожий —
И в вечных поисках иной!

От одиночества, от муки
Моя душа горит огнем,
Но даже он – утоплен в скуке
И в отупении моем.

И тот удел, что был мне нужен, —
Он так же тошен, так же мал.
Я сам с собой давно не дружен.
О, хоть бы ливень перестал!

«Всегда проснусь еще перед рассветом...»

Всегда проснусь еще перед рассветом
И сочиняю улетевшей дремой.
И с сердцем стерплым, сердцем несогретым
Я жду зари, давно уже знакомой.

Гляжу вполглаза, как зеленоватый
Проголубел при крике петушином.
Зачем же спать? Зачем считать утратой,
Чего и смерть надарит от души нам?

И ты, весну являющая вмале,
Даруй, заря, мечтам неотогретым,
Урок о том, что мертвенно в начале,
Что сбудется под полудневным светом.

«По небесам разлита дрема...»

По небесам разлита дрема,
А от лазури слаще сны,
Где я витаю невесомо
Меж яви и голубизны.

И как неспешный бег потока,
Та неподвижность хороша,
Где, недоступная для рока,
Развоплощается душа —

Чтоб у недвижности в объятьях
Бегучих вод услышать звон,
И только думой обгонять их,
И только дремой плыть вдогон.

«И снова хлестало всю ночь напролет...»

И снова хлестало всю ночь напролет,
И мучила вновь непогода:
Я слушал, как ливень за окнами льет,
И горесть моя в рокотании вод
Шумела, не зная исхода.

И снова я слушал, как мечется шквал,
И снова удар за ударом
Кипенье струи дождевой надрывал
И мыслям тревожным уснуть не давал,
Терзая природу кошмаром.

И вновь, по примеру несчетных ночей,
Я слушал средь ночи, как сердца комочек
Клокочет в гортани у жизни моей.

«Словно тучи в поднебесье...»

Словно тучи в поднебесье,
Через душу мчатся сны.
И не там, и не здесь я —
Хоть и мною рождены.

Так бывает, что виденью,
Промелькнувшему вдали,
Суждено прохладной тенью
Распластаться у земли.

Символ? Греза? Чьею лаской
Я себя – к себе верну?
Стал я собственною маской,
Глядя в горя глубину.

«Наедине, наедине…»

Наедине, наедине
С моей тревогой неминучей,
Где нет на дне
Ни просветлений, ни созвучий…

Я в ней исчезну,
Но эту боль не передам;
Она как бездна: видишь бездну —
И ничего не видишь там.

«Послышалась, гаснущий день провожая...»

Послышалась, гаснущий день провожая,
Далекая песня в соседней таверне...
Звенит в ней тоска не моя, а чужая —
И в этой нездешности только безмерней.

Играет гитара. Струна задрожала
Дрожаньем бездомным, дрожаньем бродячим...
И чувствую муку, не чувствуя жала,
И чувствую слезы, не ставшие плачем.

И слезы мои будоражат былое:
Все то, что ушло, – не мое и не чье-то,
Но то, что рассыпалось трухлой золою,
Но то, к чему попросту нет поворота.

Все то, что бессонно в вечерней дремоте,
Чего не утишит ночная остуда —

Чтоб нам уподобиться жалобной ноте:

Страдать низачем, приходя ниоткуда.

«Вон там, за перелеском...»

Вон там, за перелеском, —
И глаз не оторву —
Присыпанную блеском
Я вижу синеву.

Все делается вялым
Средь ласкового дня,
И море сонным валом
Баюкает меня.

Но не уснуть обоим,
Ведь каждый тем и жив,
Что нежится – прибоем
И помнит – позабыв.

«По дороге, что, словно бы белая риска...»

По дороге, что, словно бы белая риска,
То взлетит по зеленому скату холма,
То срывается вниз и, уставши от рыска,
Исчезает в той дали, где будет прямá, —

Муравьиная скачет по ней кавалькада:
Великаны, что мимо меня пронеслись.
И теперь им отрада, конечно, отрада,
Что, оставив меня, устремляются ввысь.

И меня они мерят насмешливым взглядом,
Да и в то, что я жив, им попробуй поверь:
Может, жив только тем, что увидел их рядом,
Или жив только тем, что не вижу теперь...

Друг для друга они хороши или плохи,
Для меня они сделались – просто пятно:
Никому одному не отсыплю ни крохи
От веселья, что вместе им было дано.

Те же самые чувства – бескрайни и узки,
Не верстается с мерками их бытие.
И уже вдалеке, на извилистом спуске,
Кавалькадой пластается сердце мое.

«Послышится тявканье песье...»

Послышится тявканье песье,
И вечер с грехом пополам
Доносит, как пахнут колосья,
И мысли уносит к полям.

Вполдремы мерещится дрема,
Вполсвета сквозит окоем,
А я приобщен окоема
И в самом забвенье моем.

И в лень погрузясь без остатка,
Я знаю в такие часы,
Что все мирозданье – площадка,
Где вечером тявкают псы.

«Не буду больше сонмом упований…»

Не буду больше сонмом упований,
Не буду тем, чем не был я вовек…
Волна с волной – ничто их не слиянней,
И мир течет подобно водам рек.

Стрела трясется – ведь уже в колчане
Мгновенный трепет будущность предрек.
Когда ярится буря в океане,
На ней печать грядущих мирных нег.

Мы таковы, какими только станем.
И потому в моей душевной стуже
Я собственным пребуду подражаньем.

Ответов нет, и моего здесь нет.
С чужой луны сюда струится вчуже
Все растворивший бесполезный свет.

«Проплыли тучи: снова я один…»

Проплыли тучи: снова я один.
Мерцает чернота густая.
Проглянул месяц из немых глубин,
Лучами чистыми блистая.

Ночной простор повис, как тяжкий груз,
И погружается в истому.
Мой новый день – каких достанет уз,
Чтоб привязать его к былому?

«Я отрекусь. На горном гребне…»

Я отрекусь. На горном гребне
Утес виднеется один —
И кажется еще волшебней
Тому, кто смотрит из низин.
И кажется, с единой целью
Его создало естество:
Чтоб мы узнали – из ущелья —
И не достигнули его.

Утес доступен для того,
Кто в восхожденье вложит душу,
А я – опустошен душой,
И нем, и клятвы не нарушу.
Я отрекаюсь. Я чужой.

«Луна бледнеет и тусклеет…»

Луна бледнеет и тусклеет,
Но не исчезнет даже днем:
Ничто на свете не истлеет,
Хотя бы в разуме моем;

А ты, по самой по границе
Мое минуя существо,
Поймешь ли, сердце, – чувство длится,
Когда в тебе уже мертво?

«Тебя завижу – и отыду…»

Тебя завижу – и отыду
В те вековечные края,
Где я любил Семирамиду
И был избранник бытия.

Ее любил – но без границы,
Вне расстояний и времен;
И в ту любовь, что только снится,
Я до сих пор еще влюблен.

И сознаю, тебя завидя,
Что мой когдатошний двойник —
Он опоздал к Семирамиде,
Предназначенья не постиг.

И прежний голос из ночей,
Из всех потерянных столетий
Звучит, единственный на свете!
Когда-то мой, теперь – ничей!

«Уже предвестие рассвета…»

Уже предвестие рассвета
Проглянуло из темноты.
Среди теней мелькнула где-то
Иная тень, зари примета,
Но тени темны и пусты.

Они пустые, но другие,
Чем та полуночная муть;
И призывает ностальгия
Не прошлое – лучи дневные,
Каким и следует блеснуть.

«В ночи рождаются зачатки…»

В ночи рождаются зачатки
Того, что сделается днем:
Лишь проблеск немощный и краткий,
Одни лишь темные догадки
В холодном воздухе ночном.

И только где-то, только где-то
Разнятся от ночных темнот;
И в том – тоскливая примета,
Но не утраты, а рассвета,
Который все-таки придет.

«И в чувстве боль, и в помысле – разруха...»

И в чувстве боль, и в помысле – разруха.
И каждый час тебе чужой:
Он прозвенит, и снова глухо
Над втуне плачущей душой.

Кому служить? Кому повелевать ей?
Набросок зимнего луча
Улегся утром у моей кровати,
Невнятно что-то бормоча.

То голоски мертворожденной рани:
Они, шурша и тормоша,
Внушают сонмы глупых упований,
Которым вверится душа.

«Сколько муки и разлада...»

Сколько муки и разлада
Позади и впереди!
Ничему душа не рада,
Бесполезным сгустком хлада
Сущая в моей груди!

И тоска – повсюду та же!
До конца – самоотчет!
Корабли без экипажей,
Нищий путник без поклажи —
Ничего их не спасет.

Все в тревоге и в тревоге,
А душа вершит вдали
Труд бессмысленный, убогий:
Умер путник на дороге
И пропали корабли.

Наставления

Усилья тщетны, тщетны все усилья.
И ветер, что играет легкой пылью,
Рисует жизнь в кружении широком.
И дар, и подвиг – все дается Роком.

Превыше существующая сила
Всемирный скит собою населила,
Дала начало безысходной яви,
И замолчала – и сродни отраве.

Не преданный ни доброте, ни злобе,
Но равнодушно отвергая обе
И равнодушно слушая молебны,
Владычит Рок ни добрый, ни враждебный.

Порой бываем веселы – и что же?
Смеемся, наши лица искорежа.
Порою плачем – и закаплет влага.
Но Рок чудится злобы или блага.

Обходит Солнце все двенадцать знаков,

А наш удел навеки одинаков,
И где душа сама себе помнится,
Саму себя обступит, как темница.

Самим себе приснившиеся сами,
Мы выдумали Солнце с небесами,
А Солнце в небесах давно остыло,
Где вымерли – как не жили – светила.

Антисимвол

Последний луч на пристань лег,
Сгущая сумрак над волнами.
Шум корабля уже далек,
Осталась темень между нами.

И расставаньем воздух сперт,
Уму отказано в просторе,
Чтоб сам он превратился в порт
И чтоб на просьбу об опоре

Всемирной пристанью блеснул,
Где каждый – вечности ровесник,
А хвойный и прибойный гул —
Уже ненужный провозвестник,

И чтоб, запруды проломив,
В безбрежной памяти звучало
Воспоминание про миф
Осиротелого причала.

«Музыка. Нищая нота…»

Музыка. Нищая нота
С моей дремотой в ладу,
И мне проясняется что-то,
Чего никогда не найду.

Бездомные звуки… Ну что ж…
Как будто жизнь – баловала.
Ты дремлешь, зато и поймешь,
На кромке какого провала…

«Мне тоскливо и тоскливо…»

Мне тоскливо и тоскливо…
Завтра будет жизнь легка…
Настроений переливы —
Как всегда из пустяка.

Это солнце, эти тучи
Могут все переменить…
Все неверно, все зыбуче,
Быстро рвется мысли нить…

Это – правда на минуту,
Между миром и тоской…
Серый вечер. В сердце смута.
Завтра – солнце и покой.

«Еще горит закат дневной…»

Еще горит закат дневной…
Мое грядущее – сокрыто.
Душа… ей пусто быть одной…
Лазурный лучик ледяной
Уперся в мостовые плиты.
Лазурный лучик и туманный,
Угаснувшей поры дневной
Привет прощальный, безымянный…
Он весь во мне, он здесь со мной:
То луч последний, ледяной.

«То музыка простая...»

То музыка простая,
А может, колдовство...
И я перерастаю
В иное существо,

То существо, в котором
Умиротворены
Сморенные раздором
С действительностью сны,

Которому знакома
Та песня с давних лет
(И нет у сердца дома,
И в сердце дома нет).

Когда же эти звуки
Бегут из забытья,
Душа не помнит муки,
Души не помню я.

То музыка простая...
Бездумно подпою,

Заплачу, и растаю —
И быть перестаю.

«На небе все сущие зимы…»

На небе все сущие зимы
Затмили всю летнюю явь…
Так в пламень сойди негасимый
И сердце в покое оставь!

Ты разуму – тысяча казней,
Ты чувства мятешь вдалеке.
Твой образ еще неотвязней,
Чем ветер в пустом кошельке.

К ответной любви не принужу,
И грезы своей не уйму;
И горе горюется в стужу,
Но будет предел и ему.

Все просто… Метаюсь ревниво…
Но ревность не я изобрел.
В любви к тебе столько надрыва,
Который и зол, и не зол…

Потеха? Конечно. Но мне ведь
Он ясен и меньше суров,

Когда изливается в девять
И восемь певучих слогов.

«В переулке уже замолчали...»

В переулке уже замолчали.
Надвигается ночь.
Я не знаю, зачем я в печали
И зовется ли это печаль.

Может, эту влюбленную пару
Я пойму, никого не любя?
А вдали голоса и гитара,
Растерявшие сами себя...

И такая безмерная дрема
Наполняет чужую игру,
И душа, как подобье фантома,
Навесомо парит на ветру.

«Я болен жизнью. И из глуби горя…»

Я болен жизнью. И из глуби горя
Порою мысль является вовне,
Как будто сердце в вековом затворе,
Моей душе своим биеньем вторя,
Способно думать, с мозгом наравне.

Слагаюсь я из горечи притворной.
Идею непостижную люблю.
Одет я словно сказочный придворный,
Великолепный и всегда покорный
Измышленному кем-то королю.

Все только сон – и я, и кто мне дорог.
Из слабых рук вся разронялась кладь.
Я только жду, и наплывает морок.
Я нищий у отчаянья задворок,
Что так и не решился постучать.

«Я так хочу расслушать немоту…»

Я так хочу расслушать немоту…
Не ветер и не трепет перелеска —
Но третий звук, который посреди…
Он хочет раствориться на лету,
Чужой всему, что явственно и веско, —
И потому его не береди.

Не говори! Молчанья не тревожь!
Любовь – потом, а прежде – эти звуки.
Мы эти звуки нежностью убьем…
Бесплотная и сладостная дрожь
Идет на смену застарелой муке
И будоражит вечным забытьем.

Откуда дрожь? От трепетной листвы?
Иль может – от предчувствуемых песен?
Что было лаской – пагубно во сне.
Ты вновь со мною – и леса мертвы;

Ты вновь со мной – и ветер бессловесен.
И я с тобой – и мы наедине…

«Доносится ли ветер…»

Доносится ли ветер
До слуха моего…
А может быть, молчанье;
А может, ничего…

Меня тревожит нечто,
Чего не обрету,
Но только всей душою
Предчувствую беду, —

И в то же время знаю:
Тревога пронеслась.
Где сам я? Где былое?
И где меж нами связь?

«Я назову тоской, быть может…»

Я назову тоской, быть может,
И может быть, тогда пойму
Все то, что гложет и тревожит,
Я сам не знаю почему.

Тоска. И с ней не разлучиться,
Не распроститься никогда
До той поры, пока лучится
Недостижимая звезда.

Но если звезды не со мною,
То остальное – все одно;
И я ладони приоткрою,
Где праха пыльного полно.

«Ты даришь, память-чудотвор-ка…»

Ты даришь, память-чудотворка,
Мне все не бывшее дотоль,
И мне твоя недоговорка
Страшней, чем подлинная боль.

Создать же фей, лишенных плоти, —
Так много отнимает сил…
Я предаю в моей дремоте
Богов, которых сотворил…

Но ты отбрасываешь путы,
Из небыли рождаешь явь…
Верни в счастливые минуты —
И там расплаканным оставь.

«Меж луной и темным бором...»

Меж луной и темным бором,
Между мною и не мной —
Я крадусь пугливым вором
Между лесом и луной.
Все таится перед взором,
Все укрыто пеленой.

Меж волною и удачей,
Не в былом и не во сне —
Я уже отплакал плачи
По удаче и волне.
Все здесь так – и все иначе,
Все растает в тишине.

«Кто глухи и незрячи...»

Кто глухи и незрячи,
Те душами тверды.
А я живу иначе,
На разные лады.

Благословляя разум,
Гляжу на бытие,
Гляжу невинным глазом:
Ничто здесь не мое.

Зато я так приметлив
И так слиянен с ним,
Что тут же, не замедлив,
Я делаюсь иным.

Где сколотые кромки,
Где мир испорошен,
Я разобьюсь в обломки,
На множество персон.

Когда в себя былого
Я новый загляну,

Я собственную снова
Провижу глубину.

Как суша, как пучины,
Как свод над головой,
Что якобы едины,
Я – разный и не свой.

Где сколотые кромки,
Где все разорвалось,
Я сам – свои обломки,
Живущие поврозь.

И коль взираю вчуже,
Коль тот я и не тот,
К последнему чему же
Душа моя придет?

Ищу приноровленья
К деяниям Творца,
Чье дело и веленье —
Меняться без конца.

И, уподобясь Богу,
Я мифы создаю:
Весь мир, свою дорогу —

И подлинность свою.

«Утешься, сердце! Бейся без надрыва!»

Утешься, сердце! Бейся без надрыва!
За гранью дней придут иные дни —
Свершится диво, ибо хочешь дива.
Тоску свою пустую отгони
И счастья дожидайся терпеливо.

Увы мечтам, которые кляну!
Надежде, что собою лишь богата!
Как если кто ерошит седину —
И уж не тот, каким он был когда-то.
Постичь ли сон, не повредивши сну?

Усни же, сердце! Ибо для сновидца
Уснул рассудок и закон уснул.
Ему нужны потемки без границы —
И мировой торжественный прогул,
Покуда все во все преобратится.

L'Homme [3]

Лукавы все слова. Ищи себе покоя!
Предвечной тишине с тобою быть позволь!
Как мутный вал на побережие морское,
На сердце наплывает боль.

Ее не опознать, коль чувства сразу смяты;
Лишь лунная дорожка до сих пор жива,
Да живы время, тающие ароматы
И все грядущие слова.

---

[3] Примечания: 3
Человек (франц.)

«И коль дано искусством или чудом…»

И коль дано искусством или чудом
Постигнуть все, чем нас постигнет рок, —
Даруй не знать, даруй, чтобы под спудом
Остаток дней невидимо протек.

Грядущее – оно ли будет ново?
И нынешней минуты не пойму.
Я помню, что явился из былого,
Не ведая, куда и почему.

Все то, чего у будущего просят,
Верну я во владение судеб,
Влюбленный в тень, что листья мне отбросят,
Счастливый тем, что к будущему слеп.

«Сползут ли туманы со склона…»

Сползут ли туманы со склона,
Опять ли вершину обложат…
Душа поглядит отстраненно
И видит, что видеть – не может.
То гуще, то реже туманы…
Они существуют, а мне-то —
Терзаться, жива ли отмета
От радости или от раны,
Не зная, хочу ли ответа.

«Уже так мало боли…»

Уже так мало боли
За тех, кого люблю или люблю почти.
Я есмь корабль, вставший на приколе,
Дабы в недвижности дорогу обрести.

Уже осталось мало
От всех стремлений и труда:
Вернулся с карнавала
Таким, каким ушел туда.

Таким, кому и сбыться,
И недосбыться – все равно.
Засматриваю в лица,
В которые засматривал давно.

Хоть всякий облик скрыт,
Но знаю наперед,
Что настоящий вид
Обманом оплетет.

А чувства тем и живы,
Что вспомнить не смогли

Про шквальные порывы
В оставленной дали.

«Слеза не ослепляет глаза…»

Слеза не ослепляет глаза.
Я узнаю,
Что музыки доносит фраза:
Я вижу детство, мать мою,
Наш дом старинный
И ужас времени-стремнины
И жизни, шепчущей: убью!
Я цепенею.
И жизнь – я порываю с нею,
Я все бесплотней, все незримей…
Играет мать. Я узнаю
Родные ласковые руки.
Они ударами скупыми
Из клавиш извлекают звуки
(О, сколько муки!).
«Тот вечер в Лиме».

Я вижу светлую картину!
Я сам оказываюсь там.
От жидких лунных бликов отодвину

Глаза, открытые мечтам.

Но чу! уже конец мелодий...
Мечтаю, как всегда мечтал,
Своей не веруя природе,
Без твердых правил и начал —

И, словно опием вспоенный,
Всепомнящий и посторонний,
Принцессам раздаю короны,
Не позаботившись о троне.

Я канул в музыки реку,
Что хлынула на зов заклятий.
Душа оборванным дитятей
Забилась в дальнем уголке.
Ее лишь берегу
В миру, не знающем изъятий, —
Ее заплату на заплате
И сон, летящий налегке.

Но, мама, назови мне имя
Богов, ответивших бы, ввысь
Иль вниз идти мне за моими
Виденьями, чтоб там сбылись.

«Тот вечер в Лиме».

О сердце, разорвись!

«О сон! в тебе едином нет обмана...»

О сон! в тебе едином нет обмана.
Сновидеть – высочайший из даров.
Зачем любовь, когда гноится рана,
А сверху – белой мантии покров?

И боги все в изгнанье удалятся,
И мифы минут, словно карнавал;
И все мы как захожие паяцы,
Которых неизбежно ждет провал.

Уснуть и спать! Упрятаться за форты
От мыслей и от козней естества,
Чтоб только в сон, к иному сну простертый,
Сквозь окна, приоткрытые едва,

Не гомоном без лада и без толка —
Но сумерками ужас проползал,
А мысли распадались, как метелка,
Которую юродивый вязал.

«Твой голос, достойный оплакивать бога...»

Твой голос, достойный оплакивать бога,
Чертогом вознесся и к жизни воззвал
У несуществующих окон чертога
Над всеми причалами сущий Причал.

Угаснувшей радуги полуполоски...
Ее отголоски, мечту окрылив,
Теперь окаймили печальный и плоский
Над всеми заливами сущий Залив.

Унынье за окнами топко и голо,
И стелется хмарь закоулками дрем...
Привез мою гибель и ждет у прикола
Над всеми паромами сущий Паром.

«Во мне безмыслие такое…»

Во мне безмыслие такое,
Такая греза наяву,
Что не зову ее тоскою
И даже бредом не зову.

Моя душа почти ослепла,
Высматривая, как в чаду,
Поверх остывшей горки пепла
Мою последнюю звезду.

Вся жизнь продымлена до мига,
А мира зыбкого закон —
Все та же призрачная книга
Непостигаемых письмен.

«Сердце опоздало. Может статься, к сроку…»

Сердце опоздало. Может статься, к сроку,
Знай оно любовь, поспело бы оно.
Если та была, то все равно без проку;
Значит, места нет ни скорби, ни упреку:
Сердце опоздало. Все уже равно.

И с подменным сердцем, в зависть бутафорам,
Мы бредем по миру. Сердце мне вернуть
В силах лишь чужое сердце, по котором
Сердце бы забилось – и его повтором
Вызвало из праха собственную суть.

Нет иного сердца, и другой тропы нет,
Кроме как холодный вытоптанный след
*Между сном, что минет, и тоской, что

минет:

Кто на пару с сердцем ловко арлекинит,

Точно так же канет, в яме волчьей сгинет.

Нет иной дороги, и надежды – нет.

«Тревогой невнятной и краткой…»

Тревогой невнятной и краткой
Провеяло гущу дерев:
Провеяло словно словно украдкой —
И словно сперва замерев…

Безмолвие чутко следящей,
Душе для покоя нужны
Мелодии чуточку слаще
Иль горше такой тишины.

Душа в бытии оскуделом,
Не слыша созвучную с ней,
Считала бы добрым уделом
Недобрый, который честней:

И в роще, где пыточной хваткой
И ветер, и звуки взяты,
Недвижное веет украдкой,
Порой обрывая листы.

Помнится, по кронам древесным

Опять ветерок пролетел,
Но листья паденьем отвесным
Кладут заблужденью предел.

О, к мертвой земле тихомолком
Слетающий лиственный прах,
Шуршащий непряденым шелком
В несбыточных чьих-то руках,

Какой чернокнижной догадкой
Ты вызнал про тысячу бед,
Что слышно, как рядом украдкой
Повеяло то, чего нет?

«Небесной полная лазури...»

Небесной полная лазури,
Волна прозрачна и легка,
Ударом по клавиатуре
Дотрагиваясь до песка.

На безымянной пианоле
Звучит без музыки мотив,
Освобожденную от боли
Идею полдня воплотив.

Зачем же этого не вдоволь,
И для чего взыскую я
Еще небесного ль, земного ль —
Но трепетного бытия?

«Самоослепленно / В зыбкую волну…»

Самоослепленно
В зыбкую волну,
В мертвенное лоно —
Сам в себя шагну.

Ощущаю влаги
Тяжкий перекат,
Растерявший флаги
Брошенный фрегат.

На неровном киле…
И покошен рей…
Небеса застыли,
Олова серей.

Небеса и море —
Это тоже я,
Лишь с собою в ссоре,
В жажде забытья…

«Как юности памятник зыбкий…»

Как юности памятник зыбкий,
Во мне и поныне светла
Какая-то четверть улыбки,
Живущая тем, что жила.

Порой неудобна, как маска,
Надежда в холодной груди:
Мерцает волшебная сказка,
Чернеется явь посреди…

Горя в торжестве иллюзорном,
Подсолнечник хочет шепнуть
Своей желтизною – что зернам
Доверена черная суть.

«В часы, когда бессонница сама...»

В часы, когда бессонница сама
Как целый мир представится для взгляда
И снимет с просветленного ума
Ленивый морок дневного уклада, —
Я грежу; простирается прохлада,
Где тень живет, а душу скрыла тьма;
Я знаю, что и мука, и услада
Ничтожны, как никчемные тома.

Я грежу; пустота во мне густится;
Душа немеет немотой провидца —
И в зоркости измучилась настоль,
Что ни природы, ни мечты, ни Бога,
Ни даже скорби; и отдал бы много,
Чтоб эту ясность променять на боль.

«Душа кровит. Пленили, будто яма…»

Душа кровит. Пленили, будто яма,
Терзанья – разум, видящий обман,
Который миром нарекся упрямо,
Где счастье – словно запах фимиама,
Обтекший жизнь, как сушу – океан.

Не сделать вздоха и не сделать шага
Без горечи, что ноша невподъем.
И сердце, хоть растерзано и наго,
Но мучится напрасной жаждой блага,
Напрасного, как помысел о нем.

Какого Бога двойственная сила
Дала узнать, что рок неотвратим,
И в то же время сердцу подарила
Его мечту – никчемное мерило,
Которое использовать хотим?

Зачем его Строитель кропотливый,
Во исполненье тайных теорем,

Расчислил и приливы, и отливы —
Весь это мир, текучий, сиротливый
И сам не постигающий, зачем?

Бог воплотился; это означало,
Что и душа склонилась перед злом;
А счастье, бытию первоначало,
Гремушкой пустозвонной забренчало
И сделалось гадалок ремеслом.

И мир застыл, как маска лицедея,
Как сам себя исчерпавший урок.
Зачем же плоти жаждала идея,
И как сумеем, ею не владея,
Достроить недостроенный чертог?

Немой останок умершего Бога
И есть наш мир; душа же родилась,
Узнав его отличье от чертога,
Но для нее утеряна дорога
В утраченную Богом ипостась.

И вот, блуждая в поисках потери,
Душа взыскует, вглядываясь в тьму, —
Но не себя, а гибельных мистерий;

И только Словом приобщится к вере,
Забытому истоку своему.

Он Словом был, но перестал владеть им,
Явившись мертвый в мертвенном миру;
И значит, здесь искомого не встретим,
Но только в Слове, этом Боге третьем,
Душа вернется к Правде и Добру.

Новый самообман

Средь гибели кумиров и преданий —
Воскресните, былые божества,
Подобно грезе, видные едва,
Дабы глазам блаженствовать в обмане.

Творя ваш мир в пределах тесной грани,
Презрите образ, явленный в пэане,
Но не наитье, давшее слова.

Отринуть яви четкие порядки,
Дабы в Догадке снова прозиял
Предметный мир, мистический и краткий:

А призрачный телесный Идеал
Ей вечно чужд – единой сущей цели,
Что сумраком не пожрана доселе.

«Вращаются лохмотья тени...»

Вращаются лохмотья тени,
Плывя в разинутую тишь.
Вся высь – разор и запустенье,
Где ничего не разглядишь.

На небе сущие загадки
Все рваным ритмом излиты
В том непроглядном беспорядке,
Где зарожденье темноты.

Но средь вселенского обвала,
Куда на свете ни гляди,
Еще ничто не оторвало
Надежду, острием кинжала
К моей прижатую груди.

«Где розы есть, мне роз не надо…»

Где розы есть, мне роз не надо,
И надо, где не вижу роз.
Тому ли сердце будет радо,
Что каждый взял бы и унес?

Я тьмы хочу, когда аврора
Ее растопит в синеву.
Мне нужно скрытое от взора,
Что именем не назову.

На что же это? Все в тумане,
И оттого слагаю стих,
А сердце просит подаяний,
Само не ведает каких…

«Почти у окоема…»

Почти у окоема
Чуть видимая мгла
Любовно-невесомо
Ко взгорку прилегла.

Тряпичные изгибы
Почти прозрачных рук
Изгибам темной глыбы
Верны, как верный друг.

Я только думой мерю,
Что вижу наяву.
Чтоб жить, я мало верю.
Чтоб верить – не живу.

Марина

Кому перед разлукой
Мелькали взмахи рук,
Тот будет счастлив – мукой…
Я мучаюсь – без мук.

Что дума, то тоскливей;
И там, где пляж пустой,
Без грезы о приливе
Пребуду сиротой…

Дабы в бесплодной боли,
Знакомой искони,
На вековом приколе
Укачивали дни.

«Как в чаше, не нужной к застолью…»

Как в чаше, не нужной к застолью,
Налито вина по края,
Так сам я наполнился болью,
Которой болею не я.

И только чужую заботу
Берет мое сердце в удел.
А горечи – нет ни на йоту,
Сыграть же ее – не посмел.

И, мим на несбыточной сцене,
В наряде, просветном насквозь,
Танцую я танец видений —
Дабы ничего не сбылось.

«Куда-то к призрачным пустотам…»

Куда-то к призрачным пустотам
Несется пенье соловья,
И на меня ложится гнетом
Тоска извечная моя.

Передо мной в окне открытом
Недостижимые лежат
Поля и рощи с тайным бытом
Совсем не призрачных дриад.

Когда б из моего куплета
Родилось больше, чем слова!
А птица кличет, кличет где-то,
Сама не зная, что жива…

«Теперь тоска моя умножит…»

Теперь тоска моя умножит
Больного зренья остроту,
И этот век, что мной не прожит,
Уже ненадобным сочту.

И никакая не потеря,
Что быть собою не могу;
Я сам себя гоню за двери,
Как нерадивого слугу.

Я был никем, я не был въяве,
Я – только ужас и провал,
Среди житейских дурнотравий
Цветок надежды не сорвал.

Но в нищете – свое величье:
Всему на свете раздаю
То пристальное безразличье,
С каким иду к небытию.

«Дождливых сумерек прохлада...»

Дождливых сумерек прохлада.
Нет мысли ни о ком,
И все, чего для счастья надо,
Мерцает маяком.

Что жизнь? Лишь мрак, обретший лица.
А темень принесла
Тот луч, который вечно длится
И мучит не со зла.

И все текучей, мимобежней
Моя полумечта,
Где стала всплесками на стрежне
Та жизнь, что не жита.

И этот луч, сродни парому,
По пустоши морской
Уносит к берегу другому,
Где ждет меня покой —

Который, если был бы рядом,
То был бы ни к чему.
И ливень хлещет новым хладом
В сгустившуюся тьму.

«Я мир пишу, как пишут акварели…»

Я мир пишу, как пишут акварели…
Гирляндами на дне глухого яра
Весна слагает, что осталось жара
От скоротечных призрачных веселий.

На луговине в месяце апреле —
Сандалий перезвончивая пара…
Ты создал дар, не обретая дара;
А день цветет подобьем капители…

Ты озарен подобием улыбки…
Тебя истома соблазнит в истому…
Молчанье нежно в приумолкшей скрипке…

И предо мной – свершенная работа…
Я пристален к бесцельному былому,
Недвижному – но в облике полета…

«Мой сон ушел. Болезненная скука...»

Мой сон ушел. Болезненная скука —
Ты явью или грезами тверда?
В моей душе ни помысла, ни звука.
Я, как морская бурная вода,
Теку, не притекая никуда.

И мучаюсь – не то его уходом,
Не то его продленною игрой.
И я морским уподобляюсь водам,
Что замерли вечернею порой:
Я книга, где отсутствует герой.

И где я сам, и где мои порывы?
Во мне, как в море, кто-то съединил
Все то, чем грезим, и все то, чем живы:
Удар, и блеск, и капелек распыл,
И обновленье нерастратных сил...

«Лучи скользнули по темно-там...»

Лучи скользнули по темнотам,
Заря недалека...
Линялым вдовичьим капотом
Сереют облака.

Одним-единственным прогалом
Потемки раздались,
И день – еще за перевалом,
Еще восходит ввысь.

Мой день – без цели и без дела,
С тщетой своих забот...
Мой день, которым завладело
Все то, что не придет.

«Порою в небе, где гроза…»

Порою в небе, где гроза,
Исходом долгого унынья
Зажгутся световые клинья
И наши радуют глаза.

Когда мы оторопью взяты
И даже горя лишены,
Мы причастимся тишины,
Где грома плещутся раскаты.

От этих радостей пустых,
От равновесия на грани —
Вином в фиале упований
На свете остается стих.

Они придут и снова канут —
И утешенье, и беда.
Правдивы чувства лишь тогда,
Когда ты чувствами обманут.

А стих – противен естеству,
И как прознать – откуда выжат…

Мы словно дождь, который брызжет
На прошлогоднюю листву.

«Иду с предчувствием запинки…»

Иду с предчувствием запинки
К заулку-тупику.
Воды холодные крупинки
Слетают на щеку.

Я этой ночи не перечу,
Ничто здесь не мое,
И лишь из сумерек навстречу
Мне брызжет забытье.

Где ночь, я тоже буду ночью,
Ночным дождем;
Я только явленный воочью
Магический фантом.

Я так вживаюсь в те пустоты,
Так грежу наяву,
Что сам с собой живу сам-сотый,
Почти что не живу.

И с каждым шагом – крепче связи,

Запутанней узлы
Меж синевой моих подглазий
И капельками мглы.

«Мне с каждым утром все тре-вожней…»

Мне с каждым утром все тревожней,
Что стала грезы полнота
Лишь побрякушкою порожней
В руках у праздного шута.

О сон! Волшебный промежуток,
В котором, если не уснешь
И если к теням будешь чуток,
То правдой обернется ложь.

О сон! Ужели он изранит, —
Как волны, тая на лету?
Прихлынет – и тотчас отпрянет,
Разверзнув жизни пустоту…

Отдушина

Когда настанет миг смятенный,
Душа подобна пустырю
И вижу стены – только стены,
Куда вокруг ни посмотрю, —

И вдруг в окошко каземата,
Где сам в себе я заточен,
Лучом рассвета иль заката
Заглядывает небосклон —

Тогда я жив, тогда я вправе
Владеть и мыслью, и судьбой,
И в мире из подложных явей
Я всех бесплотней, всех лукавей,
И значит, стал самим собой.

«В распахнутой безвольной сини…»

В распахнутой безвольной сини
Истаивают облака.
Чем прежде был – не буду ныне;
Но не о том – моя тоска.

Когда я плачу, то от плачей
Душа родится из души —
Чтоб незаслуженной придачей
В небесной зыбиться тиши.

И это родственно печали,
И я печалюсь от родства;
Тому, что сумерки наткали,
Дарую щедрые слова.

Однако то, чем песня пета,
Тот горестный полувопрос,
Витает не вблизи, а где-то,
Превыше туч, превыше слез:

Такою наделенный волей,

Со мной сроднившийся настоль,
Что рядится в личину боли
Души всамделишняя боль.

«Я предавался сумеречной дреме…»

Я предавался сумеречной дреме;
И, пробудясь, я сравниваю с ней
Весь этот мир, который не знакомей,
Но призрачней и, кажется, грустней.

Я вижу свет в обманчивом изломе,
Где вещества соткались из теней,
И я мечтаю, словно бы о доме,
О той дремоте сумрачной моей.

Сей мир – и не безмолвен, и не громок,
Сиянья с мраком пасмурная смесь:
Все не комок, а – только полукомок.

И все, что нужно, я найду не здесь,
Где каждой вещи смутный окоемок
Не виден – только слышен из потемок.

«В мои безрадостные дни…»

В мои безрадостные дни
Мне вдруг становятся сродни
Чужие люди в их мороке,
Что точно так же одиноки,
Но одиноки – искони.

А в одиночестве моем —
Освободительный проем,
И мне мила моя свобода:
Шагаю двойственным путем,
Где нет преград и нет исхода.

На всем – двусмыслия печать,
И стежка выстелится вгладь,
Без бугорков и без проточек,
Когда, как выпавший платочек,
Самих себя не замечать.

«Я сам – глубокая пучина…»

Я сам – глубокая пучина,
Где тусклый путеводный свет —
Прозрение, что есть причина
Тому, чему причины нет.

Я так же разумом несмелым
Из небыли врастаю в быль,
Как ветру делается телом
От ветра взбившаяся пыль.

«Когда же перестану…»

Когда же перестану
Быть сам своей тюрьмой —
Уйду себе порану
Дорожкою прямой?

Когда же, словно цепи,
Себя я надорву?
Когда же – не во склепе?
Когда же – наяву?

Узилище разрушу —
И за изломом дня
Такую встречу душу,
Как та, что у меня?

Когда же – и когда же?
Ну а пока мы врозь,
Я буду жить на страже
Всего, что не сбылось.

«Я никому не дам отчета...»

Я никому не дам отчета
И не сочту своей виной,
Что видели во мне кого-то
Не совпадавшего со мной.

Из нас в любом – толпа народа.
Себя я грезой создаю,
А прочим – полная свобода
Ошибку пестовать свою.

Друг друга ни одно не метче —
Ни отверженье, ни сродство.
Кто сам с собой не хочет встречи,
Не хочет встретить никого.

«Ветряного перегуда…»

Ветряного перегуда
Бесконечнее тоска.
Я никто и ниоткуда,
Из глухого далека.

И как ветру в мощных кронах
Отзываются листы,
Дрожью знаний потаенных
Глуби сердца проняты.

Лишь бы ветряному шуму
Откликался гулкий лес:
Лишь бы спугивали думу,
Лишь бы вовсе я исчез.

«Продлись, мой сон! Я знаю, что рассвет…»

Продлись, мой сон! Я знаю, что рассвет,
Но я так долго маялся без дремы,
Что мне нужней, чего на свете нет, —
Безбытья прихотливые изломы.

И наяву, о греза, не оставь,
Но будь со мной – и будь все та же,
И украшай пролгавшуюся явь
Всей непреложностью миражей.

Себя утрачу, если обрету;
И, наклонясь над парапетом,
Ищу я в бездне только слепоту
Ко всем закатам и рассветам.

«К отъезду – скверная примета!»

К отъезду – скверная примета!
Не празднуй злых примет.
Ведь все равно ни здесь, ни где-то —
Тебе отрады нет.

Тебе лишь греза будет близкой,
Вживешься в собственную мглу;
Ты будешь скомканной запиской,
Брезгливо брошенной в углу.

Ремней надето-понадето
На эту жиденькую кладь…
И не разлука, а примета
Тебя останется терзать!

«Я не хочу ни истины, ни слова…»

Я не хочу ни истины, ни слова.
Их обретя, не сделаться собой:
В них лишь останок бытия живого,
Да сердца боязливый перебой.

Я не хочу. Так вдумывался в суть я,
Что разгубил и замысел, и суть.
Воды и неба жалкие лоскутья
Мне помогают ужас обмануть.

Я лишний. Я ненадобная спайка
Меж бытием и высшим бытием…
И словно бы незрячий попрошайка,
Я колочусь в давно безлюдный дом…

Подражание

Кто отнял дар первоначальной боли —
И только жизнь оставил мне взамен:
Рассыпал душу грудою уголий,
И вместо песни дал один рефрен?

И кто, меня мечтанью подневоля,
И цвет, и завязь обращает в тлен?
Моя Судьба ли? Попросту никто ли?
Но кто-то, кто навеки сокровен…

Кто дал мне цель, с которой не полажу?
Кто высучил неведомые нити?
Кто наказал распутать эту пряжу?

Дремотного лишая забытья,
Кто подарил сто тысяч пустожитий,
«Где расцветает брошенность моя»?

«И не трудясь, и не ища занятий…»

И не трудясь, и не ища занятий,
Все грезы перевидев на веку,
То забываюсь, то очнусь некстати —
И только множу прежнюю тоску.

И юности подобна перезрелой
Надежда на иные времена:
Она жива, но что ты с ней ни сделай,
Как юность перезрелая, тошна.

Все бездоходны, все они похожи —
Мой каждый час, неделя или год:
Как здоровяк, разлегшийся на ложе,
Улиткою ползущий скороход.

Я чувствую, как, оторопью взята,
В меня глядится собственная суть,
Но сам я замер, и лучи заката
Мне только скуку проливают в грудь.

Пустая жизнь, спрягающая слоги!

Без мысли звук, без моря – корабли;
Без путника – далекие дороги —
Чтоб только грезы цельность обрели!

Взыскуя красоты

I. «Твои стихи, блаженство напоказ…»

Твои стихи, блаженство напоказ,
Тебе слагать, печальному, легко ли?
Я тоже был в эпикурейской школе
И доброй волей ум терял не раз.

Я совершенства жаждал: всякий час
Пускался я на поиски – доколе
Не понял, что любая цель в расколе
С безмерностью, что нам открыта в нас.

С того и плачем, что узнать влекомы
Границу своего же идеала.
Есть берег морю, небу – окоемы,

А нет предела только у тоски
О чем-то без предела и начала,
В которой мы безмерно велики.

II. «Недостижима и не понята…»

Недостижима и не понята
Она, не существующая въяве.
Еще грустнее и еще слащавей,
Когда земная манит красота.

И потому пускай в ее составе
Найдутся только общие места,
Дабы любой поверивший спроста
Узнал, что прикасается к отраве.

Лишь тот, кто чашу выпил понемногу
Или глотком – а лишь бы без остатка, —
Хотя и поздно, узнает дорогу.

Он чувствует, как тяжесть налегла
И как смотреться пагубно и гадко
В прозрачность бесполезного стекла.

III. «Безумье или глупость: только так...»

Безумье или глупость: только так
Хоть каплю блага выманить у рока.
Не думать, не любить, не чаять срока
И не разуверяться что ни шаг.

Любую вещь, открытую для ока,
Приветствует за доброе дурак;
Свой миру соприродный полумрак
Юродец принимает без упрека.

Два зла на свете: правда и порыв.
Узнать их зло на свете путь единый —
И ту, и этот взглядом охватив:

Она ужасна, в нем же – пустота:
Не меньший ужас. Будто две долины
С боков неодолимого хребта.

IV. «Глубокий вздох, умчи меня в края…»

Глубокий вздох, умчи меня в края,
Где ни чужбины, ни родного дома
И все, что есть, вовеки не влекомо
К потусторонней форме бытия;

Где чувствований мутная струя
Сподобится и формы, и объема
И где владыкой утвердится дрема,
Душевной жизни искру притая.

Умчи меня… Но что чужие сферы
И что края, незримые доселе,
Когда не приступ запоздалой веры,

Еще мечта, еще один порыв,
Как все мечты, летящий мимо цели,
Еще сильнее сердце искрушив?

V. «И ум, и веру отодвинув прочь…»

И ум, и веру отодвинув прочь,
Воздержимся от скорби, от укора
И поцелуев – ибо очень скоро
Надвинется отсроченная ночь.

Не ощущай, но жизнь свою упрочь,
Отдав ее на милость благотвора,
Названьем сон; без топи, косогора,
Подобный путь нетрудно превозмочь.

Гряди сюда с кифарами и маком,
Дурные сны развея сонным зельем, —
Гряди, Морфей, опутай души мраком

И в ту опустошенность уведи,
Где чувствуем, что грудь полна весельем,
Что ничего не чувствуем в груди.

VI. «О сон, о морок! Видно, оттого-то…»

О сон, о морок! Видно, оттого-то
Желаем преисполниться пустот,
Что сердце ждет – и понапрасну ждет,
И мало сил для горестного счета.

И что за сна мы жаждуем? – чьего-то:
Чужой мечты и сладостных тенет,
В которых затеряется, уснет
Вся бодрость, отворенная для гнета.

А морока забвенного хотят
Не иначе, как только под наплывом
Бессонных чувств – и гибнут, уступив им,

И остается тот последний ад,
Где в сумраке, тягучем и тоскливом,
Уже не порываются к порывам.

«Я знаю, что есть острова в океане…»

Я знаю, что есть острова в океане,
Незримые зренью и юга южней,
Настолько подобные бархатной ткани,
Что сущее видеть не горестно в ней.

Я знаю, я знаю: зеленые чащи
И белый коралл в лучезарном порту,
Где все обратилось любовью, дарящей
Все то, чем сознанье одарит мечту.

Я знаю, я знаю – и слушаю чутко,
Как ветры, бегущие в гуще листов,
Едва уловимо коснутся рассудка,
И звать их любовью рассудок готов.

Светлы и прекрасны, и с былью не схожи,
И вечно манят, и туда не попасть —
Но явственны сердцу, и глазу, и коже,

Меня самого неотъемная часть…

Я знаю, я знаю – и знаю, что надо
Искать их не там, где их надо искать…
И знаю сиянье, в котором награда,
И к ним уводящую водную гладь.

«То голуба, то словно червлена…»

То голуба, то словно червлена,
Когда вверху зазолотятся зори,
Свирепая и кроткая волна
И нежит глаз, и предвещает горе.
Свидетель незапамятных историй,
Гляжу в себя, как в этот океан,
Где не осталось неоткрытых стран.

Те кормчие с повадкою монашьей —
И те, кого сманили за собой, —
Причастники беспомощности нашей,
Они лежат в пучине голубой.
И лишь тогда, когда взбурлит прибой,
Вновь океаном станет океан —
И прежней славой снова осиян.

Я буду спать… От моря мне нужна
Лишь весточка, что ощущенье живо,
Ее же дарит горняя луна,

Владычица прилива и отлива:
Пускай движенье влаги прихотливо,
Но чую, что бездонный океан
Во глубине все так же первоздан.

Коль ищем душу, то ее отыщем
Лишь там, где прозияла пустота:
В пространстве неприкаянном и нищем
Раскроются широкие врата.
Исчезла явь, но теплится мечта:
В моей мечте, о древний океан,
С тобою я пребуду сослиян.

Вы, капитаны канувших судов,
Давились крысоединой в походе,
А это значит – услыхали зов
Неведомых, неслышимых мелодий.
Другой, не существующий в природе,
Изглубока манил вас океан,
Что слуху дан, а зрению – не дан.

Кто вдохновил? На свете этом кто же
Проник в непроницаемый секрет,

Что очага домашнего дороже,
Дороже славословий и побед
Иное что, чего почти что нет:
Исчезнуть – и расслышать океан,
Дарящий исцеление от ран?

И если море стало бытием,
А вы для моря – внимчивое ухо,
Тогда в существовании моем
Для моего еще не внятный слуха
Услышьте бой таинственного духа —
И так, как открывали океан,
Приотомкните вещности чулан!

В мой прежний дух иного духа влейте,
Даруйте сон о сказочной стране,
Дабы внимать заокеанской флейте
Сподобился я с вами наравне —
И гласом искупительным во мне
Пускай о тайне древних лузитан
По-португальски шепчет океан.

Из книги «Возвестие»

Щиты [4]

Давая, боги продают.
Ценой несчастья честь обрящем.
Увы – имеющим уют
И преходящим!

В достатке содержите дом,
Кому достатка их достанет!
Жизнь коротка, дана взаем;
Душе – конца нет.

Ведь сам Господь Христа обрек
Страстям безвинным:
Чтоб стал Природе поперек
И звался – Сыном.

---

[4] Примечания: 4
Имеются в виду пять щитов, изображенных на португальском гербе.

Дон Динис [5]

Ему сирены сладко пели.
Деревья сеяла рука;
Еще невидимые ели
Вели рассказ о каравелле,
Еще невидимой пока.

Как реки в море штормовое,
Их песнопенья потекли,
А их невидимая хвоя
Шумела голосом прибоя
И вожделеющей земли.

---

[5] Примечания: 5
Португальский король (XIV в.), поэт и первостроитель флота.

Дон Жуан Первый

Где человек сойдется с часом,
Там дышит Бог, вершатся были;
А прочее зовется мясом,
Добычей гнили.

Ты сам не знал, что ты, как зодчий,
Страну возвел подобьем храма
И вразумил в границе отчей
Стоять упрямо.

Твое же имя, как лампада,
В сердцах горит, не догорая,
И светит нам сквозь пламя ада
И тени рая.

Дон Дуарте [6]

Мои деянья создали меня.
Мой королевский сан меня учил им
В заботе духа и в заботе дня.

Тоску борол я, сколько стало сил.
Я долг вершил, наперекор светилам.
И не напрасно, ибо долг вершил.

---

[6] Примечания: 6

Португальский «король-философ». В книге «Преданный советчик» впервые описал чувство по имени saudade (приблизительно — «тоска», «одиночество»), которое позже связали с португальским характером и часто сознательно культивировали.

Дон Фернандо, инфант португальский [7]

Благословил на подвиг бранный
Меня Господь.
Я должен, Господом избранный,
Позор, и горести, и раны
Перебороть.

Господь со мной: в мече, подъятом
К святой войне;
В моем порыве бесноватом
Не Он ли громовым раскатом
Воззвал ко мне?

Покуда сердце рвется к бою
И меч блестит,
Я не робею пред судьбою,
И что ни встречу пред собою,
Душа – вместит.

---

[7] Примечания: 7

Фернандо попал в плен к маврам. Те предлагали выкупить его, отдав город Сеуту. Фернандо отказался и много лет провел в тюрьме.

Дон Себастьян

Безумец я: земной удел
Не уместил моей гордыни.
И не свершив, чего хотел,
На берегу морской пустыни
Земной удел отрину ныне.

И буду ждать, покуда вы
Мое безумье перейметe —
Дабы не сделаться мертвы,
Не перенять обычай скотий,
Присущий призракам из плоти.

Горизонт

О море, ты, кем предвосхищены мы!
Обманчив горизонт неразглядимый:
Уйми ненастье, дымку разомгли,
И вот, едва покончено с испугом,
Ты стелешь Даль и полнозвездным Югом
Ты причащаешь наши корабли.

И берега, что были тонкой нитью,
Обрадуются нашему подплытью,
Густые рощи сменят пустоту.
Потом видны коралловые пляжи,
Цветы и птицы; на берег сойдя же —
Владычествуй в негаданом порту.

На то и сон, чтоб дымку проницали
Дерзания, пустившиеся вплавь,
И, за покровом непроглядной дали
Взыскуя пляжа, птицы, родника ли,
В своих объятьях стискивали Явь.

Надпись на камне [8]

Порыв бессмертен – только люди тленны.
Я, Дього Кан, отважный мореход,
Здесь вырубил посланье для Вселенной,
Чтоб снова двинуться вперед.

Я говорю ветрам и небосводу:
Дерзанье длится, бренна только плоть.
Я подвиг начал, Господу в угоду,
Да завершит его Господь!

Над морем я вознес необоримо
Наш гордый герб, владыку всех морей:
Где виден берег – там владенья Рима,
А где не виден – родины моей.

И я Распятье из гранита высек —
Затем что с верой в Божью доброту

---

[8] Примечания: 8
Дього Кан — мореплаватель, дошедший до Конго. Подобно другим, оставил на африканском побережье падран — каменный крест с надписью в основании.

Всю жизнь ищу ту пристань в горних высях,

Которую не обрету!

Страшная птица [9]

У края земли собирается мрак,
А птица над мачтами чертит зигзаг.
Своими крылами три раза махнула,
Махнула крылами – и молвила так:
«О что за отважный и дерзкий моряк
Взыскует земли и взыскует залива,
Где только ветра завывают сурово?»
И ей рулевой отвечает пугливо:
«Команда Жуана Второго».

«Зачем, о безумец, ведешь корабли
Все дальше и дальше от вашей земли?» —
Пернатая кличет, крылами играя
У самого края, у края земли. —
«Зачем очутились вы в этой дали,
Где царствую я безраздельным владыкой

[9] Примечания: 9

Посвящено Бартоломео Диасу, который по приказу короля Жуана Второго достиг южной оконечности Африки.

Над пустошью дикой без дома и крова?»

И кормчий лепечет в боязни великой:

«По воле Жуана Второго».

И трижды руками плеснул рулевой,

И трижды потряс ими над головой,

И крестится трижды, и молвит пернатой:

«Здесь каждый из воинов еле живой,

Но это не я, а завет вековой

Ведет корабли через бурю и вой

К пустыне без дома и крова;

И душами властвует голос не твой,

Но воля Жуана Второго!»

Запад

Две наших длани – Промысел и Сила —
Повязку с глаз нам сбрасывают прочь,
Дабы одна наш факел возносила,
Другая – размыкала ночь.

Отыщем благо иль утратим благо,
На Запад вырываясь из тоски —
Но Разум – духом, плотью же – Отвага
У размыкающей руки.

Кто б ни велел и что бы ни велело,
Чтоб этот факел ныне был воздет,
Но Бог – душой, а телом – наше тело
У той руки, в которой – свет.

Последняя каравелла

Священной волей дона Себастьяна
Взметая над простором океана
Имперский флаг
И не внимая пению и пеням,
Навстречу дымке и навстречу теням
Ты шла во мрак —

И не вернулась. У какого порта
Лежишь ты ныне, тиною затерта?
В какой стране?
Уже давно грядущее не с нами,
Его же блики – сумрачными снами
Летят ко мне.

Чем горше доля славы нашей прежней,
Тем в сердце и мятежней и безбрежней
Моя мечта.
В ее морях, вне времени и меры,
Но силою неистребимой веры
Плывут суда.

Когда, не знаю; знаю, что когда-то,
Случайно глядя в сторону заката,
Увижу, как
Ты выплыла из пены точно та же,
И та же дымка вьется в такелаже,
И вьется – флаг.

Молитва

О Господи, ниспала темнота!
Мы рвались, мы не вырвались из плена:
И нам осталась наша немота,
Сиротство наше – и морская пена.

Судьба нам душу пламенем зажгла,
И старая надежда дорога нам,
Что этот жар не выгорел дотла
И что воспрянет с новым ураганом.

Пошли же бурю и гони нас в путь —
За пораженьем – или за победой:
Дай горе, счастье, дай хоть что-нибудь,
Хоть где-нибудь – но покориться не дай!

Пятая империя

Увы – живущим в доме,
Увы – достигшим благ,
Кому не станет в дреме
Милее и знакомей
Покинутый очаг.

Чьи дни текут счастливо!
Кто не судил судьбу!
Кому взамен порыва —
Вседневности разжива
В прижизненном гробу.

Столетья нашей боли
Лежат пластом к пласту.
Мы люди, лишь доколе
Иной желаем доли
И борем слепоту.

Их минуло четыре —
Прогреженных эпох, —
И вот в театре-мире

Восстал из темной сыри
Предутренний сполох.

Европа, Рим, Эллада
И царство христиан —
Ушли путем распада,
Но веси нет и града,
Где умер Себастьян!

Сокровенный

Ясная примета
В утренней тени:
На Кресте у Света
Розы – наши дни.

Что нам издалека
Новый день принес?
На Кресте у Рока
Розою – Христос.

Увенчала ж те
В света переменах
На Страстном Кресте
Роза Сокровенных.

Третье

Слагаю рукопись от боли,
Уже почти не наяву.
Все меньше жизнью – и все боле
Тобою, Господи, живу.

Твоя строка, твоя страница
Пустую жизнь животворят,
Но долго ли еще молиться,
Не уповая на возврат?

Придешь ли в образе Христовом,
Чтоб истуканы раздались,
И отворишь ли за покровом
Иную Даль, иную Высь?

Всегда ли, вещаный эпохам,
Всегда ли будешь сокровен?
И весь ли расточится вздохом
Великий трепет наших вен?

Когда придешь, когда позволишь
Предчувствию облечься в плоть?

Сиротство и тоска – доколе ж,
О Греза наша, наш Господь?

Штиль

Что за край, о котором рассказу
Без конца предается прибой
И которого перед собой
Мореход не увидел ни разу?
И все ту же тягучую фразу
Нам рокочет бурун голубой
Про страну, недоступную глазу.

Только в гуле прибоя едином
Этот край о себе говорит,
А для зренья навеки закрыт,
И крылатым закрыт бригантинам:
Ибо как в эту землю пройти нам,
Ибо кто эту землю узрит
На просторе, от века пустынном?

Но в пространстве зияют проходы,
Отыщи их – и выйдешь отсюда
Ты в страну несказанного чуда;
И расходятся сонные воды,

Вырастают старинные грады,
Где шагает под гулкие своды
Седовласый и белобородый
Наш король из волшебной баллады.

Ненастье

Не властвуют ни государи,
Ни грех, ни Бог, ни свет, ни мгла
Над отблеском из мутной хмари,
Что нашу землю облегла.
Он теплится, но без тепла —
И не горит в своем разгаре.

Сердца подернула зола,
И ход вещей давно изломан,
И миф не ведает, о чем он.
Все мимо, все в последний раз.
(Далекий сон уже у входа).
Враждебна нам сама природа.
Сегодня пала непогода…

И пробил час!

Элегия тени

Мы вымираем. Стали дни благие
Чужим воспоминанием. Ветра
Дотронутся до нашей ностальгии,
И та звенит, растравна и остра.

И прожитым, и будущим гнетомы,
Сегодня спим. По злому колдовству,
В глухую стену бьются наши дремы,
Глухую стену видим наяву.

Кто чернокнижник? Дьявольскою порчей
Кто нашу душу вытравил из нас,
Чтоб, малодушным, показался горче
Сей бесполезный, сей последний час?

Нам доблести сияют издалека,
Эпохой отошедшей отняты
У скорбного, у пристального ока;
Упал туман, развеяны мечты.

Какой проступок и какая злоба

На грешниках оттиснули печать
Бесплодия, которая до гроба,
Мы чувствуем, нас будет отмечать?

Каких побед неправедною медью
Мы приобщились мирового зла,
Что кара неотлипчивой камедью
Въедается в лишавые тела?

Прекрасный край прекраснейших героев —
И солнце, восходившее над ним,
Свое теченье словно так устроив,
Чтоб лучший свет пролился нам одним!

Был подвиг дан – и подвиг был украден;
И вместо славы остается нам
Осознавать, насколько беспрепятственно
Покатый путь к забвенным временам.

Великое! Единожды отыдя,
Вернется ли? И обратим ли путь,
Из тени в тень петляющий в Аиде,
Чтоб старые могилы обогнуть?

Но нет! От преисподнего владыки
К нам не придет былое торжество…
А может, шло, подобно Эвридике,
Но только мы взглянули на него…

И ничего: ни моря, и ни порта.
Бескрайняя застойная вода —
Давно мертва, и маревом затерта,
И не поманит больше никуда.

От всяких уз отторженная раса
И суть свою от сути отколов,
Мы поджидаем гибельного часа,
Как поджидают скорых поездов.

Кружит безумье в вихревой спирали,
Без веры в веру иль безверье – иль
Того, чтоб наши подвиги попрали
Дерзаний наших немощную хиль.

Беря взаймы у сумерек и теней,
Мы холодно, мы пристально следим,
Как наша бодрость полнится видений
И как наш сон потом невозмутим.

Что станет с нами? С нами, что ко-

гда-то
Зажгли рассвет среди закатных стран
И слали в путь пройдоху и солдата,
Когда-то быв народом лузитан?..

(Утихни, речь! Воздержимся от речи,
Хоть напоследок радуясь о том,
Что в этот вечер сделается редче
Биенье боли в сердце изжитом.

Утихни, речь! Недуг наш неисцелен,
Доколе нам нам не суждено украсть
Из Богом обитаемых расселин
Хоть малую, хоть призрачную страсть.

Утихни, речь! Не место в разговоре
Упоминать рассветные лучи,
О родина. Ты от великой хвори
Теперь бессонна. Лучше промолчи!)

И та заря, где в досвете ненастном
Король усопший воскресил бы нас, —
Ее зажечь до века ли не даст нам
Господня воля и Его приказ?

И скоро ль Час, когда вернешься, грядый
Из сумрака отпущенных даров,
Войдя во Храм и совершив обряды,
На очи Рока наложить покров?

И зазвенит ли над пустынным прахом,
Куда наш дух сегодняшний поник,
Твой голос, уподобленный размахам
Древесных вай, овеявших родник?

И скоро ль дух, тоской испепеленный,
Увидев долгожданный силуэт,
Разворошит туманные пелены,
Не веруя, что сердца больше нет?

Свершится ли? Обрюзглы от застоя,
Часы ползут, собою бременя
Теченье ночи тягостно пустое
В пустое утро тягостного дня.

О родина! В сиятельном зените
На чей сдалась ты умысел худой,
Себя до сонной одури пресытя
Обильной и отравленной едой?

Зачем проснуться не достанет мощи?

По чьей вине ты длишься до сих пор?
Твои же руки – холодны, как мощи,
В моих руках, что я к тебе простер.

Жива лишь тем, что умереть не в силе…
Но от житья остался только сон,
Где сумерки твой образ облачили
В забвенья покаянный балахон.

Покуда спи. Желанная дорога,
Случиться может, просто пролегла
В бреду того, кто любит очень много,
И потому любовь его мала.

Покуда спи, как сплю и я при виде
Безмолвных мук, владеющих тобой, —
А ты бессильна помнить об обиде
И не кипишь ни жаждой, ни алчбой.

Покуда спи. А мы, кто всех виновней, —
У ног твоих излечивать надрыв
Мы соберемся в нежности сыновней,
В замену славы жалость подарив.

Покуда спи, ничтожна, безымянна;

И если греза манит все равно,
То ей не веруй, ибо все обманно
И будущему сбыться не дано.

Не пробуждайся, ибо вечер краток.
Не пробуждайся, ибо ночь близка
И слишком тяжек мира отпечаток
Для слишком долго зрячего зрачка.

Не пробуждайся, ибо очень скоро
Отыдет все – и ты отыдешь с ним;
А бытия – бездомного простора —
Тебе ли надо? Стаял даже дым

На воздухе, который в доле лучшей
Дарил бы душу радостным лучом;
Но та мертва, и значит, ветр заблудший
И есть наш вечер безотрадный, в чьем

Томлении надменно-мимолетном —
И отторгая памяти ярем —
Властитель умирающий речет нам:
Я, бывший всем, желаю быть ничем.

От переводчика

Когда-то в юности, то есть уже лет тридцать назад, в открытом доступе харьковской университетской библиотеки я наткнулся на русскую книжку Пессоа (Лирика. М.,1977). Это была любовь с первого разворота: сразу открыв переводы Е. Витковского и А. Гелескула, я долго не мог прийти в себя от восторга — и перед поэтом, и перед «со-поэтами». И я решил, что тоже буду его переводить: нахальство немалое, если учесть хотя бы то, что португальским я не владел. Правда, я прилично знал испанский и, обложившись учебниками и развесив по всем стенам таблицы спряжений, через три недели воссоздал по-русски мое первое стихотворение, «Этот нищий старый…».

С тех пор Пессоа меня так и не отпустил: иногда я им занимался запойно, иногда от случая к случаю, но ни одного года без него в моей жизни уже не было. Чем увенчалась работа, удобнее всего судить по этой книге, куда включены почти все переводы — и уже публиковавшиеся (особенно — в моей антологии «Последняя каравелла».

М.: Водолей,2006), и те, которые нигде не печатались.

О жизни и творчестве Пессоа у нас знают немало.

Известно, что начинал как англоязычный поэт (прежде всего знаменитые «35 сонетов»), что были французские и, по-видимому, испанские опыты. Известно, что грезил о возрожденном величии своей страны — возрожденном если не в земном, то в мистическом плане: отсюда посвященная героическому периоду португальской истории знаменитая книга «Возвестие» (обычно переводят «Послание», но тут теряются профетические коннотации оригинального названия). Известно, что огромного количества своих стихов при жизни так и не опубликовал и в нынешних португальских изданиях они обычно печатаются в разделе «Неизданное», который «изданного» едва ли не обширней. Известно, что был склонен к мистификациям и что создавал гетеронимов — как будто самостоятельных поэтов, со своей судьбой и со своим стилем, притом настолько узнаваемым, что в этом контексте уже и на его собственные, не чужим именем подписанные, стихи тоже ложится печать самоотстраненности. Высказывалось мнение, что даже второй после

Пессоа португальский символист, а также ученик и друг, Марио де Са-Карнейро, тоже был отчасти гетеронимом: личность такая существовала, но стихи его вполне могли выйти из-под того же пера, что стихи Рикардо Рейса или Альваро де Кампоса.

Однако это вещи хоть и увлекательные, но не главные.

У Киплинга где-то говорится, что эфиопу пристало быть черным. Продолжая такую линию рассуждений, можно сказать, что поэзии пристало завораживать, и этому критерию поэзия Пессоа отвечает как нельзя лучше.

Чем же он завораживает? Почему столь многие считают его стихи чуть ли не вершиной мировой поэзии XX века?

Мне кажется, секрет вот в чем.

Всякая поэзия по своей сути — это поиски выхода. Иногда этот выход — в обнаружении той перспективы, где уже исчезает «несогласье с миром» (так, например, часто у Б. Пастернака), иногда — в самой гармонии языка, которая всему становится противовесом и оправданием(А. Ахматова, к примеру). Иногда поэты пытаются уйти от самой двойственности: уйти «вспять» по эволюционной лестнице (вспомним мандель-

штамовского «Ламарка»), уйти просто «в сторону» («А все-таки жизнь хороша, И мыв ней чего-нибудь стоим». — А. Тарковский). Есть поэты, у которых дуализм нарочно обостряется до той последней катартической степени, когда нет уже сил с ним жить, и дальше — то ли смерть, то ли слабо определяемый, но через свою желанность осязаемый синтез (конечно же, первой приходит на ум М. Цветаева).

Так или иначе, у большинства поэтов эта внутренняя непримиренность изначально — есть, и стихи нужны, чтобы с ней растождествиться.

У Пессоа иначе. Когда его читаешь, возникает ощущение, что трагедия, которая для многих «была до», у него уже *разрешена* прежде стихов, разрешена особой внутренней работой, какая сродни, наверное, масонским традициям

(масонские увлечения Пессоа заслуживали бы особого разговора) или вообще традициям духовных практик — и не сродни традициям поэтов, которые нередко даже в собственном сознании оставались к блуднице ближе, нежели к Господу.

Отсюда — калейдоскопическая легкость при смене масок и настроений, и отсюда же тоска не столько по чему-то определенному, сколько по самой определенности; вспомним хотя бы вот это

пронзительное:

Душа в бытии оскуделом,
Не слыша созвучную с ней,
Считала бы добрым уделом
Недобрый, который честней…

Или вот это:

Как в чаше, не нужной к застолью,
Налито вина по края,
Так сам я наполнился болью,
Которой болею не я.

Так легче приблизиться к сути: сказать и послушать о том «страшном, спеклокровом», о чем так или иначе говорит всякая большая поэзия.

А если принять, что поэзия — это алхимическая возгонка и очищение, то такая предваренность собственно «поэтического действа» как бы еще не зависящим от него, еще необусловленным, «самодвижным» духовным усилием как раз и создает особую беспримесность каждого слагаемого, беспримесность, в которой, может быть, и коренится главное волшебство этих стихов.